

*Желание
женщины*

**Читайте любовно-детективные романы
ЛЮДМИЛЫ МАРТОВОЙ в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды

Пять подруг

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила

МАРТОВА

*СТЕРЕТЬ
ИЗ ПАМЯТИ*

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Мартова, Людмила.

М29 Стереть из памяти / Людмила Мартова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190934-5

Лика Ковалева, успешная бизнесвумен, только через двадцать лет решается разгадать тайну прошлого. Много лет назад она стала свидетелем страшного преступления, о котором ничего не помнит, но с тех пор страдает приступами панических атак. Врачи советуют ей не убегать от прошлого, а разобраться, что тогда произошло. Но почему родная бабушка столько лет оберегала ее от этого шага? Что произошло в ту летнюю ночь?

Приехав в город детства, Лика оказывается втянутой в непонятную игру — кто-то пытается выдать ее за сумасшедшую. И прошлое так похоже на ящик Пандоры... Стоит ли его открывать?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Мартова Л., 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190934-5

*Памяти моего мужа.
Спасибо, что ты был.*

*Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Ли́ка сидела на лежаке у бассейна и задумчиво смотрела на танцующие по воде блики. Лето в этом году было таким теплым, что если закрыть глаза, то вполне можно представить себя в турецком отеле, да и с открытыми глазами привязку к местности выдают лишь сосны вместо пальм. А так обычный курорт с обязательными атрибутами: бассейн с подогревом, лежаки на деревянном настиле, два джакузи с всегда горячей бурлящей водой, коктейли, принесенные из находящегося за спиной ресторана, взрослые в белых банных халатах и визжащие дети в разноцветных надувных кругах. Лето. Отпуск. Курортное счастье.

Ну да. Даже название это подтверждает. Этот район называют Сестрорецким курортом. За соснами впере­мешку с лиственными растениями, подтверждающими принадлежность к южной подзоне тайги, в которой, собственно говоря, и располагается город Санкт-Петербург, плещется море. Волны Финского залива с шумом набегают на берег, громко кричат чайки, пахнет соснами и летом... Запах был таким знакомым, что у Лики не-

много щипало в глазах и носу. Как же она, оказывается, соскучилась.

Когда-то давным-давно, фактически в прошлой жизни, она проводила здесь, в Сестрорецке, каждое лето. Разумеется, не в отеле «Зеландия», который открылся после реставрации в 2001 году, за два года до того, как Лика была здесь в последний раз, а в доме бабушки и деда, располагавшемся недалеко от «Зеландии», среди таких же старых дач в проулке, имевшем выход на тот же пляж.

Бабушка продала дом и уехала отсюда после смерти деда, родившегося и выросшего в Сестрорецке и полностью обустроившего свой семейный дом. Отличный военный инженер, после отставки работавший на Сестрорецком инструментальном, бывшем оружейном, заводе, он все-все умел делать своими руками.

В доме, построенном в самом начале двадцатого века, были оборудованы «удобства», чтобы не бегать по нужде во двор, и проведено водяное отопление, работающее от дровяного котла. В сильные морозы дед топил большую изразцовую печь, но летом, когда Лика приезжала на каникулы, в этом, как правило, не было нужды.

Еду готовили на плите, подключенной к баллонному газу. А в жаркие дни спать можно на летней веранде, и такие ночи Лика любила больше всего. Развевались от малейшего дуновения ветра легкие кисейные занавески, норовящие улететь в приоткрытое окно, в котором виднелся кусочек звездного неба. В начале лета, в сезон знаменитых белых ночей, на нем мало что рассмотришь, но к концу августа, когда до возвращения домой оставались считанные дни, ночи становились, как им и положено, темными, и маленькая Лика перед сном искала на

небе Большую Медведицу. Правда, найти ее удавалось нечасто, ведь августовские ночи были уже холодными, предосенними, и спать на веранде ей обычно не разрешали.

По узкой улочке, фактически тропинке, виляющей между дачами, можно было выбраться на Пляжную улицу, по сути променад, ведущий вдоль пляжа, а потом пройти через песочные дюны с вцепившимися в них корнями старыми соснами и оказаться собственно у моря, слишком холодного, чтобы купаться в нем больше нескольких раз за лето. Под соснами росло много черники, и Лика вместе с друзьями (на лето сюда съезжались толпы детворы) вволю объедалась сладкими сочными ягодами, чернящими рот.

Воспоминания о детстве, проведенном в Сестрорецке, были одними из самых ярких и счастливых за всю ее тридцатишестилетнюю жизнь, вот только обрывались они одним днем, точнее одной темной, дождливой августовской ночью. Той самой ночью, когда умер дед.

Лика знала, что это она нашла его мертвым на пляже, по рассказам взрослых, но то, что предшествовало этому печальному обстоятельству, стерлось из памяти, вход в закоулки которой прочно закрывал большой тяжелый валун. Сдвинуть его не получалось ни самостоятельно, ни с помощью врачей. В том последнем дне дедовой жизни в памяти Лики зиял большой черный провал.

Заглядывать в него бабушка категорически запрещала, потому что любые попытки потревожить прошлое приводили к тяжелой панической атаке. Лика начинала задыхаться, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег Финского залива рыба. Ее была крупная дрожь, в особо тяжелых случаях переходящая в судороги, после

чего она закатывала глаза и падала на пол в глубоком обмороке, а после выхода из него несколько часов лежала обессиленная, с бьющимся в бешеном ритме сердцем.

Из-за этих приступов в старших классах школы ее считали не совсем нормальной, да и в студенческие годы тоже. Еще у Лики иногда бывали странные то ли сны, то ли видения, в которых ей чудились всполохи молний, разрезающих небо над Финским заливом и освещающих пляж, покрытый пеленой дождя. Эта пелена скрывала что-то важное, и каждый раз, когда приходил этот сон, Лика силилась рассмотреть, что именно за ней прячется, но неизменно просыпалась раньше, чем удавалось сорвать эту завесу.

Бабушка запрещала ей об этом думать, пичкая внучку на ночь отварами из успокаивающих сборов. Те шли в довесок к седативным препаратам, которые Лика принимала по предписанию врачей. И назначенная ей терапия действовала, потому что она видела тревожащие сны все реже и реже.

Годам к тридцати она, кажется, совсем успокоилась, по крайней мере, дурные сны теперь навещали ее не чаще раза в год. Вот только воспоминания о детстве, в котором был жив дед, водящий ее на экскурсии по Сестрорецку, придуманные специально для Лики и ее друзей, вызывали все более сильную ностальгию.

Ей ужасно хотелось вернуться в Сестрорецк, чтобы снова увидеть их старый дом, по тропинке выбежать на променад, сорвать чернику под соснами в дюнах и очутиться на пляже, зайти по колено в холодную, желтую от цветущей пыльцы воду, крошить хлеба настырным чайкам. Вот только бабушка категорически

запрещала совершать попытку вернуться в прошлое, убежденная, что это отрицательно скажется на Ликином здоровье.

Минувшей зимой бабушка умерла. Просто не проснулась утром, и в этой естественной смерти восьмидесятипятилетней женщины не было ничего необычного, однако последняя ниточка, ведущая в детство, разорвалась, а еще препятствовать ее поездке в Сестрорецк стало некому. Мама и папа не понимали, зачем ворошить прошлое, но не сопротивлялись. Езжай, раз хочется. И Лика, купив билет на поезд, приехала в обожаемый до слез и дрожи Санкт-Петербург, в котором не была двадцать лет.

Поселившись в мини-отеле неподалеку от Невского проспекта, пять дней она просто бродила по улицам, млея от счастья, сходила во все возможные музеи, покаталась по каналам, посидела в нескольких рестораничках на крышах, а потом уехала в Сестрорецк, где на целых две недели арендовала неприлично дорогой номер в загородном клубе «Зеландия».

Бабушкин и дедушкин дом, в котором она выросла, давно продали, друзей, к которым можно было бы попроситься пожить, за двадцать лет не осталось, да и не хотела Лика никого обременять, решив, что вполне может себе позволить не экономить на собственном отдыхе.

Будучи финансовым директором в крупной строительной компании, она неплохо зарабатывала. Столько и не нужно одинокой женщине, живущей в провинциальном областном центре и далекой от гламурного образа жизни. У нее была своя двухкомнатная квартира в комфортном микрорайоне «Зеленый город», вполне при-

личная машина, возможность носить ту одежду, которая нравится, есть то, что ей хочется, и отдыхать там, где интересно.

В этом году ее интерес распространялся на клуб-отель «Зеландия» и Сестрорецк, а потому цена отпуска особого значения не имела. Перед самой поездкой Викентий кинул ей на карту сто тысяч, сопроводив перевод-подарок сообщением «на рестораны». Подарок Лика приняла, поскольку это являлось компенсацией за то, что отправится в отпуск одна.

Генеральный директор ее фирмы, а по совместительству Ликин любовник, Викентий Леонтьев был давно и прочно женат, и если в начале их романа Лику это обстоятельство огорчало, то за шесть лет их отношений огорчение растворилось в бытовом комфорте. Работать вместе с Викентием, проводить время в ресторанах, получать цветы и пару раз в год выбираться куда-то вдвоем было интересно и имело привкус праздника. Жить вместе, готовить обеды и ужины, стирать рубашки и слушать храп по ночам Лика не хотела. Или за шесть лет убедила себя в том, что не хочет.

– Я постараюсь приехать к тебе на пару-тройку дней, – пообещал ей Викентий, сажая в поезд на вокзале. – Больше не получится, сама понимаешь.

– Понимаю, – легко согласилась Лика. – Больше и не надо.

В ее путешествии, картой которого служили детские воспоминания, Викентий ей был не нужен.

Из номера своего отеля в Питере она выписалась в понедельник в районе полудня, в половине второго была в «Зеландии», убедилась, что забронированный номер уже свободен, разложила вещи, переделалась и те-

перь полулежала у бассейна, лениво наблюдая за окружающими людьми и пытаюсь сформулировать внутренние ощущения. Что-то ее страшило.

Неуютное чувство тревоги появилось, когда ее такси только въехало в Сестрорецк. Смотреть на сильно изменившийся, но все-таки узнаваемый город было так невыносимо, что Лика даже глаза закрыла и открыла только тогда, когда такси остановилось перед первым шлагбаумом, преграждающим вход на территорию, где располагалась «Зеландия».

Сидящий в будке охранник шлагбаум открыл, и такси покатило дальше. Вокруг за высоченными заборами стояли современные, совсем незнакомые особняки. Деревянных дач из ее детства, кажется, больше не существовало, и сердце вдруг забилося быстро-быстро, и Лика задышала открытым ртом, стремясь предвосхитить возможную паническую атаку. Может, права была бабушка? Не надо ей было сюда приезжать?

У второго шлагбаума, ведущего собственно на территорию отеля, такси остановилось. Въезд туда был запрещен, и от стоянки до входа пришлось идти пешком, катя за собой чемодан, подпрыгивающий и громыхающий на мощенной камнем мостовой. Впрочем, идти совсем недалеко, метров пятьдесят.

Уходящая вдаль дорожка тянулась к кованой калитке, ведущей на променад. Там шумело море, и Лика, внезапно отчаянно струсив, быстро нырнула в дверь отеля. На стойке ресепшена дежурили две женщины: одна молодая, лет двадцати пяти, а вторая — дама хорошо за сорок, со следами былой красоты на лице.

— Ой, Эльмира Степановна, у меня опять не получился ваш замечательный пирог с мясом, — говорила

молодая. – Начинка сухая. Папа съел, конечно, но я же видела, что ему просто не хочется меня расстраивать.

– Не переживай, Иринка, у меня послезавтра будет выходной, я испеку пирог, такой, как любит твой папа, и вам занесу. Договорились?

– Приходите, конечно, я всегда вам рада, и папа тоже. Но вы ведь научите меня, как правильно, да?

– Конечно, научу, моя девочка. Просто в фарш перед обжаркой нужно обязательно добавлять воду. Здравствуйте, вы к нам? Номер заранее бронировали?

Последнее относилось уже к Лике.

– Да, конечно, – ответила она, протягивая паспорт.

– Ковалева Гликерия Павловна. Рады видеть вас среди гостей «Зеландии», – дежурно улыбаясь, сказала женщина, которую звали Эльмирой Степановной. – Надеюсь, что ваш отдых здесь будет незабываемым.

– Я тоже на это надеюсь, – согласилась Лика.

За десять минут ее зарегистрировали, рассказали правила внутреннего распорядка, показали, где проходят завтраки, где находится бесплатная баня по-черному, а где платный спа-салон с весьма приличным набором процедур, выдали электронный ключ и проводили в номер, расположенный на первом этаже. Окна выходили на бассейн, и его отливающая бликами гладь манила к себе так сильно, что Лика поспешила туда, решив не пропустить ни минутки возможного отпускного удовольствия.

Вволю наплававшись в бассейне, вода которого, как она теперь знала, была теплой круглый год, она завернулась в прихваченный из номера пушистый халат и уселась поудобнее, думая о том, с чего бы начать путешествие в прошлое. Сходить к их старому дому и попробовать упрямить жильцов, чтобы ее пустили внутрь?

Пройтись по Парковой улице, чтобы понять, насколько сильно тут все изменилось? Найти прокат велосипедов и проехаться до реки Сестры? Поискать чернику в дюнах? Сходить к морю?

От последней мысли по рукам и всему телу побежали мурашки, как будто Лика внезапно замерзла. С пляжем было связано что-то плохое, вот только она совершенно не помнила, что именно. Психолог, с которым Лика проводила еженедельные сеансы, говорила, что все ее проблемы и страхи уходят корнями в детство, и, пока она не разберется с ними, вызвав из подсознания живущего там зверя, они так никуда и не уйдут.

Правда, так, наверное, говорили все психологи, берущие по шесть тысяч рублей за сорок пять минут компьютерного сеанса. Все мы родом из детства. Это аксиома, не требующая доказательств. И совершенно необязательно иметь какого-то особенного зверя, мешающего теперь строить личные отношения с людьми. А пробелы в памяти связаны лишь с сильным аффектом, вызванным смертью деда. Лика его очень любила.

Перебороть себя и сходить на пляж? Психолог утверждала, что всегда надо делать то, чего боишься больше всего, иначе через год перестанешь выходить из комнаты. С пляжем был связан сильный страх, значит, надо встать с лежака, сходить в номер, переодеться и отправиться в то место, которое ее так пугает.

Лика была хорошим менеджером, достигшим высот в карьере благодаря силе воли и характеру, а потому она решительно отправилась выполнять свой план борьбы со страхами. Натянув белье, футболку с джинсами, толстовку и мягкие парусиновые тапочки, которые легко можно скинуть с ног на песке, она повесила

сушиться купальник, убрала халат, кинула в небольшой рюкзак пластиковую карточку, заменяющую ключ от номера, и бутылочку с водой, нацепила на нос темные очки и вышла в коридор.

В отеле стояла тишина. Толстый ковролин глушил звук ее шагов. На стойке ресепшена, еще не видной из-за угла, девушка Ирина разговаривала по телефону.

– Папуль, ты позавтракал? Да, я сегодня на сутках. Приду только утром. Пап, Эльмира Степановна обещала послезавтра пирогов напечь и принести. Ты же не против? Пап, да вовсе я не сводня. У нее просто отличные пироги, почти такие же, как были у мамы, и я под ее руководством хочу поднять уровень своего мастерства. Вот и хорошо. Все, пока. Я тебя целую.

Ли́ка уже спускалась по мраморным ступенькам, ковролин кончился, и Ирина обернулась, нацепив на лицо дежурную улыбку.

– У вас все в порядке? Осмотрелись?

– Да, все хорошо, – тоже улыбнулась в ответ Ли́ка. – Пойду погуляю.

– Хорошего дня.

Выйдя из дверей «Зеландии», Ли́ка повернула направо и по каменистой дорожке дошла до резной калитки, за которой открывался промена́д. Положив руку на кованую скобу ручки, она на мгновение зажмурилась, а потом сделала глубокий вдох и шагнула наружу. Туда, где почему-то жили ее страхи.

Серый асфальт промена́да, называемого Пляжной улицей, уходил налево и направо. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – жизнь потеряешь, прямо пойдешь – жив будешь, да себя позабудешь». Слова из какой-то детской сказки вспомнились сейчас

так отчетливо, что Лика снова зажмурилась. Если пойти налево, то можно добраться до их старого дома, нет там никакого коня, которого можно было бы потерять. Если двинуться направо, она придет к знаменитому Сестрорецкому курорту, где Ликина жизнь точно никому не нужна.

Прямо, через короткую полосу песчаной дюны, располагался тот самый пляж, на котором она двадцать лет назад уже потеряла себя, но осталась жива. Нельзя второй раз потерять одно и то же. Можно только найти. Лика перешла полосу асфальта и ступила на покрытый иголками хвои песок. До пляжа всего шагов пятьдесят, не больше. Она остановилась.

Вдоль берега моря сновали люди, знающие о пользе морского моциона, некоторые из них использовали палки для скандинавской ходьбы. Весело бегали собаки, периодически возвращающиеся к хозяевам, чтобы убедиться, что все в порядке. Неожиданно проехали два конника. Лошади, породистые, чистые, ухоженные, вышагивали гордо и степенно. Лика проводила их взглядом, в ее детстве не было тут никаких лошадей.

На оборудованной прямо на пляже площадке играли дети. Их мамы сидели рядом на лавочке и о чем-то беседовали. Картина выглядела мирной и доброй, как и положено ясным летним днем, однако пригвожденная к месту Лика не могла заставить себя сделать те несколько шагов, которые отделяли ее от песка.

Сердце колотилось уже не в груди, а в горле, а это означало, что основательно подзабытая паническая атака совсем близко. Что будет дальше, Лика знала очень хорошо, а потому решила не упорствовать. Для первого раза вполне достаточно. Она повернулась спи-

ной к пляжу и снова шагнула на асфальт улицы, вытерла о джинсы вспотевшие ладони, чувствуя, как сворачивается внутри кольцом поднявшая было голову змея паники. Фу, кажется, пронесло.

Прислушиваясь к внутренним ощущениям, она пошла налево по улице, решив, если организм позволит, все-таки найти дом, в котором проводила лето в детстве. Сердцебиение стало ровным, дышалось легко, то есть против ее встречи с домом тело не возражало. Хорошо, значит, так тому и быть.

Тропинка, ведущая от променада внутрь участка, где располагался дом, никуда не делась. Лика повернула на нее. Их участок был вторым от береговой линии. На месте первого теперь располагался огромный домина в три этажа, отстроенный из дорогого кирпича и оснащенный камерами видеонаблюдения. Раньше тут стоял другой дом, в нем жила семья Батуриных. Ольга Станиславовна и Иван Ильич, у которых были две дочери. С младшей, кажется ее звали Катей, Лика дружила, практически все лето девочки проводили вместе. А старшая, Регина, считалась чуть ли не первой красавицей Сестрорецка.

И вроде тем последним летом она собиралась замуж. В памяти внезапно всплыло счастливое смеющееся лицо красивой юной девушки в белом, развевающимся на ветру платье и в венке из полевых цветов на голове. Ее кружил на руках высокий, молодой, тоже смеющийся парень в военно-морской форме. Точно, жених Регины Батуриной был курсантом Военно-морской академии.

Надо же, двадцать лет Лика о них не вспоминала. Интересно, это по-прежнему их участок, и новый современный дом тоже их, или Батурины продали его, как бабушка, и теперь здесь живут совершенно посторонние

люди? Как узнать? Хотя какая разница? Она прошла еще немного вперед и остановилась, с облегчением выдохнув. Их дом был все тот же. Новые владельцы, сколько бы раз они ни менялись с того времени, его не снесли, а лишь покрасили.

Забор, правда, теперь новый. Из современной металлической зеленой сетки, заменившей их деревянный штакетник. Лика внезапно обрадовалась, что новые хозяева выбрали именно такую конструкцию, визуальную расширяющую пространство, а не глухое ограждение из металлопрофиля, коих в округе наблюдалось довольно много.

Через сетку ей хорошо была видна веранда, в открытых окнах которой все так же развевались легкие белые занавески. Интересно, раз окна открыты, значит, хозяева дома? В центре участка стояла круглая беседка. У бабушки с дедом ее не было. Вдалеке виднелся основательный гараж, тоже новшество. Дед машину загонял на участок и держал под открытым небом. А на месте гаража у него стоял небольшой сарайчик, в котором он слесарничал понемногу да и вообще хранил все необходимые инструменты.

Почему-то в памяти вдруг мелькнула картинка, как бабушка с совершенно белым, каким-то остановившимся лицом с остервенением протирает стоящий в сарайчике верстак, а также лежащие на нем инструменты. Странно, женщинам всегда категорически запрещалось приближаться к этому дедову царству и уж тем более что-то там трогать.

Открывшаяся дверь и вышедшая на улицу женщина заставили Лику отвлечься от неожиданных воспоминаний. Женщина, держащая в руках таз с бельем, была

лет пятидесяти пяти. Заметив нерешительно топчущуюся у забора незнакомку, она сбежала со ступенек и подошла ближе.

– Вы что-то хотите?

– Здравствуйте. Я и сама не знаю, – призналась внезапно смутившаяся Лика. Ее ностальгический поступок сейчас казался ей глупым и неуместным. – Дело в том, что этот дом когда-то принадлежал моим родным. Я сюда на лето к бабушке и дедушке приезжала, а потом дед умер, а бабушка дом продала и переехала жить к нам. Мой папа – ее сын.

– Нам и продала, – спокойно сказала женщина. – Точнее, моим родителям. Отец мой нефтяником был. Сам-то он отсюда, из Сестрорецка, но после института в Сургут завербовался, там всю жизнь и прожил. А когда на пенсию вышел, решил в родные места податься. А тут как раз бабушка ваша дом продавала, причем довольно дешево. Отец тогда даже удивился. Конечно, двадцать лет назад цены не такие были, как сейчас. Это нынче тут каждая сотка по цене золота, не как тогда, да и у родителей деньги имелись, все-таки нефтяник, не шантрапа. Но вышло гораздо дешевле, чем он планировал. А дом нам нравится. Вот скоро газ подведут, и совсем хорошо будет.

– А вы до сих пор печь топите? – спросила Лика, сама не зная, зачем ей эта информация.

– Нет, отец электрический котел поставил. А система отопления все та же. Ей сносу нет. На совесть сделана.

– Это дед мастерил, – похвасталась Лика. – Он у меня был инженер. Очень хороший.

– Да и мой отец тоже с руками. Так что кое-что тут за двадцать лет изменилось.